

ВРЕМЯ И КНИГА

ОТНОШЕНИЕ наше к писателю часто определяется не только прочитанное — страницы прозы, поэзии, а и те сложные психологические сцепки, ассоциативные связи, без которых, наверное, нет породненности жизни и литературы, реально-го факта и вымысла, — писатель входит в дом не только книгами, а и живой причастностью к судьбе твоей собственной. Какую бы книгу Михаила Алексеева я ни читал — каждый раз обязательно возвращаюсь в собственное прошлое, в прекрасное школярское детство, когда зимою при свете лампы-десятилинейки я одним, махом одолел роман М. Алексеева «Солдаты» — первый, что был написан им, только что вышедший из печати. — толстый, внушающий уважение том. Зимы деревенские были долгими, вьюжными, дни — короткими, как воробьиный скок, вечера и ночи — длинными, словно степная дорога, бесконечно нудными, и заполнить их можно было лишь чтением.

В войну мы были пацанами, о fronte знали лишь понаслышке, но, смею уверить, знали много — ни один рассказ солдата, побывавшего в военном пекле, уцелевшего и вернувшегося в родную деревню, не проходил мимо нас. А тут — роман! Это же целая жизнь, не менее интересная, чем рассказы бывалых солдат. Читать было трудно — не подготовлен был, школа, как ни

странно, не причает человека к чтению, — но, применяя выражение той поры, читать было «жутко интересно». В книге той имелась и фотография автора, молодого, в военной форме, с грустно-улыбчивым лицом. Сколько я потом ни читал книг Михаила Алексеева, всегда вспоминал ту самую, первую, ставшую для меня познанием войны по-новому книгу, позже сделавшуюся и неким олицетворением собственного детства, если хотите. У меня к ней выработалось свое, личное отношение.

И вот новый роман, «Драчуны». Хотя и кажется поначалу, что название имеет прямое отношение лишь к школьной драке двух пацанов — собственно главного героя, от имени которого ведется повествование, Мишки-хохленка и его закадычного друга Ваньки Жукова, однофамильца знаменитого чеховского персонажа, — это не так. В названии заключен философский смысл. Драка вышла затяжной, это ведь не только кулачный бой двух «орлов», не только потасовка включившегося в распрю всего (или чуть ли не всего) села Монастырского, его окраин, Хутора, — независимо от возраста и родственных связей, нет. Идет бой между бытием и небытием, между жизнью и смертью, — все это также подходит под одно «школярское» определение...

Нет такого человека, который бы — независимо от того,

как сложилась его жизненная судьба, какие тяготы-барьеры встретились на изначальном отрезке его пути, не вспоминал бы своего собственного детства. Ибо более безоблачной, более радостной поры нет. Пора эта, бывает, снится нам многие десятилетия. И кипенные вишневые сады, одуряющие своей тишиной и горьким запахом цветения, снятся, и летние покосы, когда из-под лезвия литовки стремительными комочками вымахивают перепела и, с тугим хрустом разрезая воздух, уходят в сторону, и костер на берегу тихой, застенчивой речушки, в котором, словно картошка, пекется только что вытасценные из-под яра, из корней куги раки, и сногшибательная езда на хребтине отдохнувших в ночном лошадей, когда земля со спящей быстротой уносится под копыта, исчезает где-то позади в густой мелкой пыли... Все эти картины ни за что, никакими силами не вытравить из взрослого человека, они оставлены навечно, это след детства, след времени. И вот ведь именно это, как и школа, родители, учителя, комсомол, воспитало в каждом из нас человека, дало возможность твердо встать на ноги, построить по собственному разумению свою судьбу.

Михаил Алексеев в романе очень точно — психологически точно — нащупал эту вот внутреннюю, невидимую простым глазом связь различных «временных стадий» человека между собой, связь их с детством — и точно описал. Без сантиментов, без очень часто возникающего в таких случа-

ях умиления, — правдиво, с некоторой даже горечью. Описал настолько объемно, что вторая — последующая — часть жизни героев, хотя и отстает в романе за кадром, но ощущается ежеминутно, чуть ли не материально зримо.

По истечении времени картины детства становятся все более яркими, примечательными, контрастными — ненужное стирается, сходит на нет, наиболее запомнившиеся эпизоды делаются выпуклыми,

прощание желал приятного аппетита, иль «папанька Николай Михалыч», секретарь сельсовета, втихаря выдававший на руки документы тем, кто попал под раскулачивание, и спасший тем самым жизнь многим работающим хозяйственным мужикам, за что впоследствии и пострадал сам, был осужден на три года и не вернулся из заключения, и многие другие. Михаил Алексеев живописует своих героев пристально, любовно и одно-

нечитаемые; иной роман зачитывают до дыр, требуют у автора продолжения, а есть — что камнем ложатся на библиотечную полку и будто бы умирают, ждут своего черед на списание. В чем дело? Многие могут посчитать вопрос излишне простым, даже наивным: ясно ведь, в чем дело... Нет, не так все просто. Случается, что и нечитаемая книга бывает написана чрезвычайно талантливым автором, а успехом, увы, обделена.

венской жизни находятся в строгой психологической взаимосвязи с героями, слог дружинист, он дышит. Именно эти «технические» особенности во многом сопутствуют успеху романа «Драчуны».

В новом романе Михаила Алексеева находишь ответ на вопрос: как сформировалось поколение людей, которое впоследствии выстояло, победило в Великой Отечественной войне, одолело послевоенную разруху, в чем сокрыты истоки их огромной нравственной силы?

Монастырские, хуторские и прочие мальчишки тысяча девятьсот тридцать второго — тридцать третьего годов... Ведь через девять-десять лет им — и главному герою, от имени которого ведется биографическое повествование, и драчуны Ваньке Жукову, и великому специалисту по выгрышам в панки Ленке — среднему наследнику в Алексеевской семье, и Васе Мягкову, и Федьке Пчелинцеву, — всем им надлежит пройти сквозь огонь. Загребет их в свои жесткие лапы война, и мять, молотить будет люто, но все они выдюжат, все одолеют — и холод, и голод, и лишения, и боль, и гибель друзей — все одолеют, превозмогут самих себя, защитят свою страну, землю, на которой прошло их детство, разобьют врага.

Они и не могли не выстоять, ребята тридцатых годов, ибо закалка, которую они получили, была, пожалуй, попрочнее, чем закалка, которую получает сталь.

Вот, собственно, о чем и повествует новый роман Михаила Алексеева. Прекрасный роман — настоящий, выстраданный.

Валерий ПОВОЛЯЕВ

СУДЬБА ПОКОЛЕНИЯ

Михаил Алексеев. «Драчуны». Роман. Журнал «Наш современник», № 6, 7, 9, 1981.

рельефными, приобретают подчас (после осмысления их взрослым человеком, после прокрутки не раз и не два в памяти) неожиданную окраску. Такое происходит с каждым из нас. М. Алексеев пошел по пути жесткого отбора, включил в роман то главное, что отложилось в памяти, — только эти эпизоды.

Немало ярких, самобытных людей «населяет» роман, все они не похожи друг на друга, у каждого свой язык, свой колорит, своя чуждинка. Ну, например, Иван Павлович Наумов, по прозвищу Кот — «старорежимный» учитель, которого так и тянет обратиться к салагам-школярам не иначе, как «господа», или откровенный добряк дедушка Ничей, у которого пацанва любила таскать огурцы и яблоки, а он, «блаженный», поймав ворихку, не наказывал его, а, наоборот, помогал набить пазуху теми же яблоками и на-

временно строго. Все это, возвращаясь к старому, наложено на канву детства, этой забываемой поры. «Детские» эпизоды книги звонкой чередой проплывают перед нами. Вот Авраам Кузьмич, любитель непременно удивить деревню, продав двух кобыл, исчез куда-то на месяц, а потом появился в Монастырском со здоровенным одногорбым верблюдом Бухаром, донельзя спокойным, невозмутимым, но отчаянно преобращающимся от крика «Бухар, грабят!», Вот кадры строительства неуклюжего здания ШКМ — школы крестьянской молодежи, полуплачевно закончившегося для одного из героев романа. Вот дорога, городские хоромы, скутанные пылью, — это Мишка-хохленок с «папанькой Николаем Михалычем» съездил на ярмарку, вот эпизод примирения двух малолетних драчунов...

Есть книги читаемые, есть

Есть некие; почти неуловимые, нюансы, что не поддаются никаким определениям, их нельзя сформулировать в виде четкого закона — хоть над этим и бьются многие поколения литературоведов, — и талантливому автору не всегда дано соблюсти балансировку нюансов. Роман «Драчуны» построен довольно просто — здесь почти нет вторых и третьих планов, и сюжетная линия практически одна, а роман интересен, он читается, он захватывает. Один из законов читаемой современной прозы — движение. И сюжет должен быть построен по законам ритмики движения, и язык, и сама композиция. Так вот, исходя из этого правила — действие романа «Драчуны» не замедляется на всем протяжении, идет по нарастающей, все время вверх, характеры — в развитии, эпизоды, перипетии, события дере-